

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Госпожа Маро родилась и выросла в Лозанне, в строгой честной семье. Замуж вышла она по любви. В марте 76 года, среди пассажиров старого французского парохода "Овернь", шедшего из Марселя в Италию, оказалась чета новобрачных. Дни стояли тихие, прохладные, море серебристыми зеркалами терялось в туманных весенних далях, новобрачные не сходили с палубы. И все любовались ими, все глядели на их счастье с дружелюбными улыбками: у него это счастье сказывалось в бодром, резком взгляде, в потребности движения, в оживленной приветливости с окружающими, у нее - в том радостном интересе, с которым она воспринимала все... Новобрачные эти были Маро.

Он был старше ее, ростом был невелик, лицом смугл, волосом курчав; рука у него была сухая, голос чистый и звучный. А в ней чувствовалась примесь какой-то иной, не романской крови; она казалась чуть-чуть высока, при темных волосах глаза у нее были серо-синие. Через Неаполь, Палермо и Тунис они проехали в Константинополь, в Алжирию, где г. Маро получил довольно видный пост. И жизнь в Константинополе, те четырнадцать лет, что прошли с этой счастливой весны, дали им достаток, семейный лад, здоровых, красивых детей.

За четырнадцать лет Маро очень изменились по внешности: он стал черен лицом, как араб, поседел и подсох, многие принимали его за уроженца Алжирии; никто не узнал бы и в ней ту прежнюю, что когда-то плыла на "Оверни": тогда даже в туфельках ее было очарование молодости; теперь и у нее в волосах серебрилось, тоньше, золотистее стала кожа, похудели руки, и в уходе за ними, в прическе, в белье, в одежде уже проявляла она какую-то излишнюю опрятность. Жили они каждый по-своему: у него время было наполнено работами, - он оставался все тем же и страстным и трезвым, каким был и прежде, у нее - заботами о нем и о детях, о двух хорошеньких девочках, из которых старшая была уже почти барышня; и в один голос говорили все, что нет в Константинополе лучшей хозяйки, лучшей матери и более милой собеседницы в гостиной, чем г-жа Маро.

Дом их стоял в тихом и чистом квартале. Со второго этажа, из парадных комнат, всегда полутемных от закрытых жалюзи, была видна Константинополь, славная на весь мир своей живописностью: на косых скалах лежит эта древняя арабская крепость, ставшая французским городом. Окна семейных покоев, тенистых и прохладных, смотрели в сад, - там, в вечном зное и блеске, дремали вековые эвкалипты, сикоморы, пальмы, обнесенные высокими стенами. А хозяйка вела то замкнутое существование, на которое обречены в колониях жены всех европейцев. По воскресеньям она неизменно бывала в церкви. В будни выезжала редко и держалась небольшого избранного круга. Она читала, занималась рукоделием, училась с детьми; иногда, посадив себе на колени черноглазую Мари и одной рукой играя на рояли, пела старинные французские песенки, меж тем как горячий ветер широко входил из сада в открытые окна. Константинополь, затворившая все свои ставни и нещадно палимая солнцем, казалась в эти часы мертвым городом; только вскрикивали сивоворонки в садах да меланхолически, тоской колониальных стран, звучали рожки горнистов по загородным холмам, где порою глухим стуком сотрясали землю пушки и мелькали белые солдатские шлемы.

Дни шли однообразно, но никто не замечал, чтобы г-жа Маро тяготилась однообразием жизни. В характере ее не проявлялось ни повышенной чувствительности, ни излишней нервности. Здоровье ее нельзя было назвать очень крепким, но оно не доставляло тревог г-ну Маро. Поразил его только один случай: однажды, в Тунисе, араб-фокусник так быстро и глубоко усыпил ее, что она насилу пришла в себя. Но это было еще во время переезда из Франции; с тех пор таких резких падений воли, такой болезненной восприимчивости она не испытывала. И г. Маро был спокоен и убежден, что душа ее безмятежна и открыта для него. Но вот появился в Константинополе некто Эмиль Дю-Буй.

Эмилю Дю-Буй, сыну г-жи Боннэ, давней и хорошей знакомой г-жи Маро, было всего девятнадцать лет. Г-жа Боннэ, вдова, кроме Эмиля, рожденного ею в первом браке, выросшего в Париже и теперь изучавшего право, всего же более занятого сочинением только одному ему понятных стихов и причислявшего себя к несуществующей поэтической школе "Искателей", имела еще дочь Элизу. В мае 89 года Элиза готовилась к венцу, но, вдруг заболев, умерла. Эмиль, дотоле никогда не бывший в Константинополе, приехал на похороны. Легко понять, как тронула г-жу Маро эта смерть, смерть девушки, уже примерявшей венчальную фату; известно и то как просто устанавливается при таких обстоятельствах близость между людьми, даже едва узнавшими друг друга. К тому же Эмиль и в самом